

УДК 9.902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.42.51>

КУЛЬТУРА «ТЕКСТИЛЬНОЙ» КЕРАМИКИ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ В XX В.

© 2026 г. М.Г. Калашников, Е.Е. Воробьева

В данной статье представлен всесторонний анализ научных дискуссий, связанных с идентификацией и интерпретацией археологической культуры «текстильной» керамики (КТК) в историографии XX в. Основное внимание уделено формированию и развитию ключевых дискуссий о статусе КТК, её терминологии, хронологии в контексте этнокультурных процессов эпохи поздней бронзы. На основе ретроспективного изучения научной литературы и материала археологических исследований выделены четыре этапа изучения: начальный этап накопления материалов и гипотеза о «финской» принадлежности (конец XIX – начало XX вв.), довоенный период становления терминологии и культурной атрибуции (1920-е – 1940-е гг.), послевоенный этап углублённого изучения технологии и систематизации (1950-е – 1980-е гг.) и заключительный (конец 1980-х – 1990-е гг.), отмеченный началом применения естественнонаучных методов. Особый акцент сделан на становлении двух основных терминологических традиций («текстильная» и «сетчатая» керамика) и переходе от описательных построений к технологическому и систематическому анализу, завершившемуся началом применения естественнонаучных методов.

Ключевые слова: археология, культура «текстильной» керамики, сетчатая керамика, эпоха поздней бронзы, историография, финно-угорские народы, XX в.

TEXTILE CERAMIC CULTURE: DEFINITION AND INTERPRETATION

M.G. Kalashnikov, E.E. Vorobeva

This paper presents a comprehensive analysis of the scientific debates concerning the identification and interpretation of the Textile Ceramic culture (TCC) in the historiography of the XX century. The primary focus is on the formation and development of key debates regarding the status of the TCC, its terminology, and its chronology within the context of the ethnic-cultural processes of the Late Bronze Age. Based on a retrospective study of scientific literature and archaeological research materials, four stages of study have been identified: the initial stage of material accumulation and the hypothesis of «Finnish» identity (late XIX – early XX centuries), the pre-war period of terminology and cultural attribution (1920s – 1940s), the post-war stage of in-depth study of technology and systematization (1950s – 1980s) and the final (late 1980s - 1990s), marked by the beginning of the application of natural science methods. Particular emphasis is placed on the formation of two main terminological traditions («textile» and «net-impressed» ceramics) and the transition from descriptive models to technological and systematic analysis, culminating in the beginning of the application of natural science methods.

Keywords: archaeology, Textile Ceramic culture, net-impressed ceramics, Late Bronze Age, historiography, Finno-Ugric people, XX century

Данная статья посвящена историографическому анализу изучения культуры «текстильной» керамики (КТК) в рамках археологической науки конца XIX – начала XX вв. КТК представляет собой один из ключевых феноменов эпохи палеометалла обширной лесной зоны Восточной Европы, традиционно связываемый исследователями с процессами формирования финно-угорской этнической общности. Несмотря на значительный объем публикаций, посвященных археологическим

объектам с «текстильной» керамикой, целостный анализ эволюции научных представлений о КТК, особенно в рамках определенного исторического периода, остается актуальной задачей.

На основании вышесказанного цель статьи – выявить основные этапы и факторы эволюции в решении дискуссионных проблем и смены парадигм в изучении КТК на протяжении XX столетия. При этом в фокусе анализа находятся не столько детали археологическо-

го материала разных хронологических эпох (поздней бронзы и раннего железа), сколько сами историографические концепции, которые зачастую развивались без их жёсткого разграничения.

Основное внимание сосредоточено на исследовании КТК в её «классическом» варианте, связанном с анализом работ, посвящённых памятникам Волго-Окского региона, где были выработаны фундаментальные концепции, определившие развитие темы. Хронологический охват сознательно ограничен XX в., что позволяет целостно рассмотреть путь от первичного открытия феномена до становления основ его современного изучения.

Финно-угорские народы, к числу которых относятся мордва, марийцы, удмурты, коми, карелы, саамы, ханты, манси и другие, представляют собой важнейший компонент историко-культурного наследия России. Их языковая общность, а также своеобразие мифологических представлений неизменно привлекают внимание специалистов в области археологии, этнологии, антропологии и лингвистики. Однако, несмотря на значительный объём накопленных знаний, вопросы их происхождения и миграционных путей остаются дискуссионными. В современной науке сосуществуют две основные гипотезы. Первая, восходящая к трудам М. Кастрена, локализует прародину в урало-западносибирском регионе. М. Кастрен, опираясь на лингвистические и этнографические изыскания, выдвинул идею о родстве уральских и алтайских языков (Кастрен, 1860). Позднее В.В. Напольских уточнил, что обособление предков финно-угров от прауральской общности произошло в южной части Обь-Иртышского бассейна в VI–V тыс. до н. э. (Напольских, 2002), связав этот процесс с так называемой культурой гребенчатой керамики Западной Сибири, а последующее развитие – с льяловской и волосовской культурами Волго-Окского междуречья.

Альтернативную точку зрения, известную как «финский автохтонизм», разделяют некоторые западные, преимущественно финские исследователи, например К. Wiik, J. Koivulehto (Kalevi, 2006; Koivulehto, 1994, 2003). Они помещают прародину финно-угров в Прибалтику или на территорию современной Финляндии, а в качестве основы этногенеза рассматривают так называемые постсвидерские археологические культуры (Кунда,

Суомусъярви, Веретье и т. п.). Однако данный подход часто критикуется за недостаточную доказательную базу.

Особое место в дискуссии об этногенезе финно-угорских народов занимает культура «текстильной» керамики (далее по тексту – КТК), рассматриваемая многими учёными как возможный этноинтегрирующий элемент на обширных пространствах Восточной Европы.

КТК представляет собой своеобразный археологический феномен, ареал которого простирается от Среднего Поволжья до Балтийского региона. Важной особенностью рассматриваемой культуры является её редкая встречаемость в «чистом» виде. Чаще всего КТК сопровождается комплексы других археологических культур (дьяковской, городецкой, поздняяковской, ананьинской и др.). Это свидетельствует о включенности носителей культуры текстильной керамики в сложные процессы культурного взаимодействия, ассимиляции и интеграции. Способность ассимилировать разнородные группы населения указывает на её роль в консолидации финноязычной общности (Патрушев, 1992, с. 4). Помимо этого, многие исследователи отводят КТК одну из ключевых ролей в распространении финноволжских языков, видя в них предков прибалтийских и волжских финнов (Кузьминых, Азаров, 2015; Parpola, 2017). Исходя из вышесказанного, В.С. Патрушев приходит к выводу, что носители КТК являлись неким суперэтнотомом, который объединил под собой все финноязычные этносы, сохранив их локальные особенности, где главным маркером выступает именно «текстильная» керамика (Патрушев, 1992, с. 30–32). Таким образом, «текстильная» керамика рассматривается не только как технологический или стилистический маркер, но и как важный этнокультурный индикатор.

Хочется отметить, что, прежде чем непосредственно перейти к историографическому обзору, необходимо прояснить терминологическую дилемму, проходящую красной нитью через всю историю изучения. В современном понимании термин «текстильная керамика» используется как обобщающее понятие для всей керамики, поверхность которой несёт отпечатки, имитирующие ткань, сетку, плетение, сделанные с помощью различных приспособлений (колотушек, обёрнутых тканью, тканевых чехлов и т. д.).

Изучение объектов археологического наследия с материалами «текстильной» керамики ведется более столетия. Вопрос о существовании КТК был уже в конце XIX в. был вынесен на научное обсуждение ведущими русскими исследователями так называемых городищ «дьякова типа» в Волго-Окском междуречье В.А. Городцовым и А.А. Спицыным (Лопатина, 2014). Городища «дьякова типа» представляют собой небольшие по площади (редко превышающие 3000 кв. м), расположенные на возвышенностях у рек поселения, укрепленные с напольной стороны одним – тремя валами (Успенский, Чаукин, 2016, с. 74). Внимание В.А. Городцова и А.А. Спицына на указанных городищах привлекло наличие в нижних слоях лепной керамики с оттисками сетки или ткани. В конце XIX – начале XX вв., а именно в 1897–1900 гг., В.А. Городцов и А.А. Спицын впервые обратили внимание на специфическую керамику на городищах центра Русской равнины. Однако обнаруженная на этих памятниках керамика с необычными отпечатками не укладывалась в существовавшие тогда хронологические схемы неолита и железного века. Это позволило В.А. Городцову говорить о «...промежуточной культурной эпохе – палеометалле» (Городцов, 1900, с. 26).

А.А. Спицын, отметив визуальное единообразие городищ и особенности напластований, а также обилие костей, выдвинул идею о жертвенных функциях городищ. Впоследствии А.А. Спицын объединил подобные памятники Волго-Окского междуречья, связав их с финским населением (Спицын, 1903). Отметим, что в настоящее время объекты археологического наследия, исследованные А.А. Спицыным, относятся к таким культурам, как дьяковская, верхнеокская и городецкая. Согласно мнению А.А. Спицына, ареал распространения керамики с текстильными отпечатками включал территорию Верхнего Поволжья, Поочья в окрестностях г. Калуги и г. Рязани, Волго-Окского междуречья и междуречья Саратовской губернии (Успенский, Чаукин, 2016). Чуть позже, в связи с открытием новых археологических памятников, А.А. Спицын расширил ареал распространения городищ «дьякова типа» в сторону северо-запада, включив верховья рек Мсты и Мологи, а также территорию Западной Двины (Спицын, 1905). Следует отметить, что специально признаки материальной культуры вновь

выделенных археологических памятников А.А. Спицын не рассматривал.

В.А. Городцов развил идею А.А. Спицына о так называемой «финской принадлежности населения городищ с сетчатой керамикой» (Лопатина, 2014), говоря о культуре «финского корня», отличительным признаком которой является орнамент «печатного» типа (Городцов, 1910). В результате, помимо городищ «дьякова типа», указанных А.А. Спицыным, В.А. Городцов включил в этот круг ряд памятников, расположенных в рязанском Поочье (атрибутированных в предвоенный период как городецкая культура). Этим расширением исследователь продемонстрировал культурное единство городищ центральных и северных регионов Европейской России, выделив в качестве их определяющего признака керамику, украшенную сетчатыми отпечатками.

Занимаясь вопросом территориального распространения городищ «дьякова типа», А.А. Спицын в 1912 г. также относил городища, зафиксированные на севере Саратовской губернии, к данному типу: «...среди финских древностей Саратовского края в настоящее время особенно интересны обрядовые городища, только что открытые... На них, кроме различных вещей, находят слои золы, разбитые кости животных, битые камни, и характерные черепки, различные в различных местах, но с преобладанием одного излюбленного орнамента, «сетчатого»...» (Спицын, 1912, с. 3). Как можно заметить, согласно предположениям А.А. Спицына, ареал распространения городищ «дьякова типа» был достаточно широк: от Чудского озера и р. Великой до р. Волги и р. Камы и от Галичского озера до р. Десны.

Найденные М.А. Радищевым на саратовских (хвалынских) городищах фрагменты керамики с так называемыми «рогожными» отпечатками, согласно точке зрения В.А. Городцова, были аналогичны керамическому материалу с Городецкого городища. Любопытно, что при этом В.А. Городцов отмечал: «...Хвалынские городища на первые вовсе не похожи, и скорее соотносятся с городищем «Топорок», которое содержало в себе только сетчатую керамику...» (Городцов, 1910).

Вместе с тем именно особенности поверхности керамических сосудов легли в основу системы аргументов для разграничения

территорий распространения древнейших культур лесной зоны Восточной Европы. Активное изучение памятников, содержащих в себе керамику с текстильными отпечатками, закономерно вызвало необходимость в исследовании и классификации данного орнамента. В самом начале XX в. наблюдается появление первых научных публикаций, посвященных систематизации и определению рельефных оттисков на керамических черепках. Среди них особо хочется отметить такую научную работу В.А. Городцова, как «Русская доисторическая керамика» (Городцов, 1901), в которой он объединил отпечатки в «семейство печатных орнаментов», а также труды А.А. Спицына и В.И. Каменского (Каменский, Спицын, 1903).

На основании вышеизложенного, можно сказать, что изначально В.А. Городцов и А.А. Спицын не считали возможным на основе текстильной керамики, учитывая ее специфику, выделять её в отдельную археологическую культуру. В.А. Городцов и А.А. Спицын скорее являлись сторонниками существования обширной финской общности с характерной для неё как сетчатой, так и рогожной керамикой.

Таким образом, период конца XIX – начала XX вв. был отмечен накоплением эмпирического материала о КТК, его первичным описанием и попытками систематизации. В этот период сформировались два ключевых подхода: хронологический (выделение эпохи палеометалла) и этнический (связь КТК с финским населением). При этом в научном обиходе сосуществовала пёстрая терминология: «сетчатый орнамент», «рябчатый орнамент», «нитчатая», «рогожная», «тканная» керамика и др. (Сизов, 1897; Городцов, 1901, 1910; Каменский, Спицын, 1903). Это разнообразие порой создавало определённую терминологическую путаницу, так как одно и то же явление у разных исследователей называлось по-разному. Например, отпечатки в виде нитей В.А. Городцов уже интерпретирует как «тонкотканые», в то время, когда А.А. Спицыным и В.И. Каменским они признавались «веревочными». Некоторые исследователи, как, например, Ф.В. Покровский, и вовсе сомневались в орнаментальной природе отпечатков, считая их следом технологической обработки сосуда: «...на большинстве черепков наблюдаются...

неправильные линии, идущие... по направлению высоты сосудов. Но линиям этим едва ли нужно усвоить значение орнамента. Они, по всей вероятности, образовались во время самого изготовления сосудов, – при отделке при помощи инструмента вроде голика (венник без листьев)» (Покровский, 1897, с. 144).

Итогом данного этапа стало накопление первичного материала, осознание его хронологической и культурной специфики, но без выделения КТК в самостоятельную археологическую культуру. Доминировала идея об обширной финской общности, для которой характерна керамика с рельефными отпечатками.

Начинается период активной систематизации и формирования понятийного аппарата вокруг КТК. Именно в этот период оформилось терминологическое размежевание и становление таких устойчивых понятий, как «дьяковская культура» и «городецкая культура».

С 1920 г. упоминания об этих двух культурах регулярно встречаются в работах В.А. Городцова. Важно отметить, что употребление данных терминов несет за собой сугубо предварительный характер и скорее отражает этническую принадлежность: «... несомненно, обитатели Огубского городища принадлежали народности, имевшей весьма широкое распространение в Средней России, причем эта народность делилась на две ветви: северную, создавшую характерную «культуру Дьякова типа», и южную – создавшую культуру Городецкого типа. Обе культуры очень близки друг другу... носители их принадлежали одной народности, но к двум разным ее племенам» (Городцов, 1926, с. 115). При описании «Огубской культуры» как части «Дьяковой» В.А. Городцов попытался обобщить присущие первой черты финской материальной культуры. Заметим, что среди всех этих черт керамика отсутствует (Городцов, 1926, с. 123).

Чуть позднее В.А. Городцов более четко заявил о смежных особенностях дьяковой и городецкой культур. В отношении их ареалов он пишет о «дьяковой культуре... Средней и Северной России», а «...городецкая культура занимала более южную область, простиравшуюся от Средней Оки до Нижней Волги» (Городцов, 1928, с. 8).

В начале XX столетия отечественный исследователь Б.С. Жуков адаптировал заим-

ствовавшую у скандинавских ученых номенклатуру для обозначения керамических изделий с текстурированной поверхностью. Европейская научная традиция использовала аналогичные наименования: немецко-скандинавский вариант «textilkeramik» (Ailio, 1922) и финский «tekstiilikeramiikka» (Pälsi, 1916). В русской академической практике же до этого периода преобладала альтернативная номенклатура, основанная на морфологических характеристиках керамических образцов. Археологические работы, которые Б.С. Жуков организовал на территории Волго-Окского междуречья и на р. Ветлуге, а также проведенные исследования коллективом палеозоологической лаборатории Института антропологии МГУ, которую также возглавлял Б.С. Жуков, были нацелены на исследование процесса «модификаций культур», имеющих немалую хронологическую разобщенность в определенном, отдельно взятом регионе. Основываясь на исследованном массовом керамическом материале, Б.С. Жуков предложил хронологическую схему развития керамических комплексов региона (Жуков, 1929):

- 1) «костеносные»;
- 2) «дьяковские»;
- 3) городища с керамикой типа «рогожных».

Также, основываясь на трудах А.А. Спицына, Б.С. Жуков выдвинул гипотезу о генетической связи КТК с более ранними неолитическими традициями, а именно с ямочно-гребенчатыми (Жуков, 1929).

В результате в этот период формируются две научные традиции в терминологии: школа Б.С. Жукова (О.Н. Бадер, М.В. Воеводский и др.) использовала термин «текстильная керамика», а школа В.А. Городцова (М.Е. Фосс, А.Я. Брюсов и др.) – «сетчатая».

Данные научные подходы к определению и интерпретации КТК привели к тому, что в довоенный период исследователи начинают использовать характеристики керамики для реконструкции этнической карты. Так, А.Н. Лявданский, изучая городища Смоленщины и Белоруссии, сделал предположение, что облик керамики был значимым в процессе территориального деления городищ и наличие или отсутствие сетчатой керамики отражает племенные различия населения (Лявданский, 1926).

Концепция городищ, разработанная А.А. Спицыным, позволила выдвинуть ряд

предположений не только об их датировке, закономерности распространения, но и об их этнической принадлежности. Рассматриваемые городища занимали обширную территорию, на которой располагались известные сегодня такие археологические культуры, как дьяковская, городецкая, днепродвинская и другие. Характерно, что область, включавшая в себя эти древности, включала в себя известные к тому времени памятники, керамический комплекс которых сильно различался. Во-первых, это было связано с массовостью находок керамики с рельефными отпечатками на поверхности. Во-вторых, морфология этих отпечатков также имела значение. Например, для московских и тверских городищ были характерны массовые находки сетчатой керамики, в то время как для калужских городищ они были незначительными, а рязанские отличались керамикой с рогожными отпечатками на поверхности.

Таким образом, массовость находок и морфология отпечатков стали рассматриваться как ключевые признаки для дифференциации дьяковской, верхнеокской и городецкой культур.

В зарубежной науке также начинают выдвигаться гипотезы о происхождении КТК. В северо-западной Европе Аарне Айрпяя выдвигает гипотезу о том, что прародина текстильной керамики, выявленной на территориях Финляндии и Балтии, имеет центральноевропейские корни (в частности, территория современной Чехии), а проникновение в центр Русской равнины происходит посредством фатьяновской культуры (Äygrää, 1933).

На основании вышесказанного можно признать, что итогом довоенного периода (1920–1940 гг.) стало формирование основ для признания КТК самостоятельным археологическим явлением, а также закрепление двух терминологических традиций и начало системного изучения «текстильной» керамики как этнокультурного маркера.

В послевоенный период интерес к проблемам культуры «текстильной» керамики возрастает. В 1950-е гг. разворачиваются бурные дискуссии вокруг технологии происхождения отпечатков и хронологии. Н.В. Трубникова предполагала возможным нанесение текстильных отпечатков на сосуды с помощью камней с неровной, так называемой «рваной», поверхностью (Трубникова, 1952). Предположение

Н.В. Трубниковой подтверждает также и то, что на дьяковских городищах часто фиксируют такие камни. М.Е. Фосс видела истоки техники в традициях поздней ямочно-гребенчатой керамики (Фосс, 1947), а В.П. Третьяков, напротив, отрицал такую связь из-за хронологического разрыва и указывал на вероятные балтийские истоки (Третьяков, 1975). Большинство исследователей склоняются к мнению, что отпечатки связаны с распространением своеобразных технологических приемов изготовления глиняной посуды с целью уплотнения глиняной массы путем выбивания колотушкой, обернутой тканью (Семенов, 1955; Фоломеев, 1975), кожей, зубчатым штампом или благодаря использованию тканевых и кожаных форм-емкостей для создания сосудов. Однако вопрос о процессе нанесения орнамента остается открытым.

Таким образом, послевоенный период характеризуется переходом от общих культурно-исторических построений к углубленному технологическому и типологическому анализу самого керамического материала, что заложило фундамент для последующего комплексного изучения КТК.

С конца 1980-х гг. в изучении КТК наметился качественный сдвиг, связанный с постепенным внедрением методов естественных наук и междисциплинарного подхода. Развитие радиоуглеродного датирования позволило уточнить хронологию. Полученные датировки, например для поселения Нармус в Среднем и Верхнем Поволжье, памятника Шагара V на Средней Оке, свидетельствуют о быстром распространении «текстильных» традиций в конце II – начале I тыс. до н. э. (Патрушев, Лавенто, 2015).

Значительный вклад в систематизацию знаний о КТК внес В.С. Патрушев, работы которого стали своеобразным «мостом» между предыдущим и ныне описываемым этапами. В частности, он выделил комплекс признаков «текстильной» керамики: горшковидные формы с валикообразным венчиком, сплошное покрытие поверхности ниточными или рябчатыми отпечатками, примесь песка или дресвы, дополнительная орнаментация ямками или оттисками шнура (Патрушев, 2016). Использование статистических методов позволило исследователю разработать детальную классификацию из 34 вариантов отпечатков, которые исследователь подразде-

лил на четыре категории: рябчатые, ниточные, смешанные (ниточно-рябчатые) и смешанные (ниточно-рябчатые) с применением штриховки поверхности сосуда. В результате В.С. Патрушев показал сходство керамики на обширной территории при наличии локальных особенностей.

Важным направлением в современной археологической науке становятся экспериментальные реконструкции технологии нанесения текстильного отпечатка на керамические сосуды. Работы И.Г. Глушкова и Т.Н. Глушковой (Глушков, Глушкова, 2009), Н.Б. Виноградова (Виноградов, Алаева, 2013) и других позволили проверить гипотезы об использовании тканевых чехлов, колотушек, обернутых материалом, или кожаных форм-основ.

Перспективным инструментом в изучении КТК становится применение геоинформационных систем (ГИС) для пространственного анализа памятников, изучения закономерностей расселения и взаимодействия с ландшафтом. Создание специализированных баз данных, включающих описание локальных керамических типов, открывает перспективы для исследования миграций, культурных контактов и эволюции КТК.

Данный период, хотя и ограниченный концом XX в., ознаменовал переход от классической историографии к новой исследовательской парадигме, основанной на комплексных данных. Однако детальное рассмотрение результатов, полученных уже в XXI в., выходит за рамки данной статьи, посвященной эволюции научной мысли в XX столетии.

На основании проведенного историографического анализа можно утверждать, что изучение культуры «текстильной» керамики в XX в. прошло через четыре последовательных этапа, отражающих эволюцию научной мысли:

1. Конец XIX – начало XX вв. – этап первичного накопления и описания материала, формирования первых хронологических и этнических гипотез в рамках концепции обширной финской общности.

2. 1920–1940-е гг. – период становления ключевых понятий («дьяковская», «городецкая» культуры) и окончательного оформления двух терминологических линий – «текстильной» (школа Б.С. Жукова) и «сетчатой» (школа В.А. Городцова) керамики. Начинается использование керамики как критерия для культурного и племенного размежевания.

3. 1950–1980-е гг. – послевоенный этап углублённого изучения, отмеченный оживлёнными дискуссиями о технологическом происхождении отпечатков и активной систематизацией материала. Фокус смещается с общих исторических построений на детальный анализ самого источника.

4. Конец 1980-х – 1990-е гг. – заключительный этап XX в., ознаменованный началом применения естественно-научных методов (радиоуглеродное датирование, эксперимент, ГИС), что заложило основу для современной междисциплинарной парадигмы.

Эволюция взглядов на КТК демонстрирует движение от её восприятия как частного признака «финских» древностей к пониманию в качестве самостоятельного и сложного археологического феномена эпохи поздней бронзы, требующего для своего изучения специального понятийного аппарата и комплексных методов. Дальнейшее изучение, основанное на достижениях конца XX в., видится в интеграции данных археологии, палеогенетики и палеоэкологии, что позволит перейти к целостной реконструкции роли «текстильной» керамики в этнокультурной истории Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов Н.Б., Алаева И.П. Керамическая коллекция из раскопок укрепленного поселения Устье I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. С. 143–178.

Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как археологический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Сургут: РИО СурГПУ, 2009. 190 с.

Городцов В.А. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XVII / Ред. В.К. Трутовский. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. С. 1–37.

Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда в Киеве (1899) Т. I. / Ред. графиня Уварова, С.С. Слуцкий. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1901. С. 567–672.

Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1910. 474 с.

Городцов В.А. Болотное Огубское городище // Труды ГИМ. Вып. 1. М.: ГИМ, 1926. С. 105–124.

Городцов В.А. К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет // Труды секции археологии РАНИОН. Т. II. М.: РАНИОН, 1928. С. 5–11.

Жуков Б.С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929. №1. С. 54–77.

Каменский В.И., Спицын А.А. Раскопки Н.А. Смирнова в Клинском уезде (1902) // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. 1903. Т. V. Вып. 1. С. 143–149.

Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири в 1838–1844, 1845–1849 гг. СПб: в Типографии Александра Семена, 1860. 495 с.

Кузьминых С.В., Азаров Е.С. Сетчатой керамики культура // Большая российская энциклопедия. Т. 30. М.: БРЭ, 2015. С. 113–114.

Лопатина О.А. Начало изучения культур раннего железного века центральной части Русской равнины в контексте данных о керамике // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / отв. ред. Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Казань, 2014. С. 67–76.

Лявданский А.Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета. 1926. № 3 (3). С. 179–296.

Напольских В.В. Предыстория народов уральской языковой семьи // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. Казань: Рухият, 2002. С. 195–203.

Патрушев В.С. Финно-угры России. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 216 с.

Патрушев В.С. Археологические памятники с «текстильной» керамикой: итоги и перспективы исследований // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 194–224.

Патрушев В.С., Лавенто М. Развитие и хронология текстильной керамики в среднем и Верхнем Поволжье: критический взгляд на условно принятые 14С-даты, АМС-датирование и типологическую хронологию // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 160–188.

Покровский Ф.В. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы // Труды IX Археологического съезда. Т. II / Под ред. графини Уваровой и С.С. Слущкого. М. Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1897. С. 138–196.

Семенов С.А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // КСИИМК. Вып. LVII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1955. С. 137–144.

Сизов В.И. Дьяково городище близ Москвы // Труды IX Археологического съезда. Т. II / Под ред. графини Уваровой и С.С. Слущкого. М. Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1897. С. 256–267.

Спицын А.А. Городища Дьякова типа // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. 1903. Т. V. Вып. 1. С. 111–142.

Спицын А.А. Новые сведения о городищах Дьякова типа // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. 1905. Т. VII, вып.1. С. 83–93.

Спицын А.А. Саратовские древности // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1912. Вып. 28. Прибавление. С. 1–7.

Трубникова Н.В. О технике нанесения узоров на посуду городецких и дьяковских городищ // КСИИМК. Вып. XLVII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1952. С. 125–129.

Третьяков В.П. Соотношение поздняковских памятников и культуры сетчатой керамики // КСИИМК. Вып. 142 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1975. С. 62–67.

Успенский П. С., Чаукин С.Н. Арéal городищ дьякова типа // КСИА. 2016. № 242. С. 71–80.

Фоломеев Б.А. Тюков городок // СА. 1975. № 1. С. 154–170.

Фосс М.Е. Новые памятники в районе галичской культуры (Раскопки Галичской экспедиции 1945 г.) // КСИИМК. Вып. XVII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 63–69.

Ailio J. Fragen der russischen Steinzeit // Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft. T. XXIX:1. Helsingfors, 1922. 110 p.

Äyräpää A. Über die Streitaxtkulturen in Rußland. Studien über die Verbreitung neolithischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten. Series: Eurasia Septentrionalis Antiqua VIII. Helsinki, 1933. 159 p.

Kalevi W. Who are the Finns? Helsinki: SKY Journal of Linguistics, vol. 19. 2006. P. 97–108.

Koivulehto J. Who Are the Finns? Indogermanisch - Uralisch: Lehnbeziehungen oder (auch) Urverwandschaft // Bopp-Symposium 1992 der Humboldt - Universität zu Berlin Akten der Konf. vom 24.3.- 26.3.1992 aus Anlaß von Franz Bopps zweihundertjährigem Geburtstag am 14. 9. 1991 / Hrsg. von Reinhard Sterne-mann. Heidelberg: Winter, 1994. IX. 313 p.

Koivulehto J. Frühe Kontakte zwischen Uralisch und Indogermanisch im nordwestindogermanischen Raum / Languages in Prehistoric Europe / A. Bammesberger; T. Vennemann (eds.). Heidelberg: Winter, 2003. P. 279–316.

Pälsi S. Tekstiilikkeremiikka // Suomen Museo. 1916. P. 66–72.

Parpola A. Finnish vatsa – Sanskrit vatsá – and the formation of Indo-Iranian and Uralic languages // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 2017. №96. P. 245–278.

Информация об авторах:

Калашников Марк Глебович, магистрант 2 года обучения, Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет; техник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); marckalashnikov@yandex.ru

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); доцент, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); veer47@mail.ru

REFERENCES

Vinogradov, N. B., Alaeva, I. P. 2013. In Vinogradov, N. B. (ed.). *Drevnee Ust'e: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e (Ancient Ustye: Fortified Settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: "Abris" Publ., 143–178 (in Russian).

Glushkov, I. G., Glushkova, T. N. 2009. *Tekstilnaia keramika kak arkheologicheskii istochnik (po materialam bronzovogo veka Zapadnoi Sibiri)* (Textile ceramics as an archaeological source (based on materials from the Bronze Age of Western Siberia)). Surgut: Surgut State Pedagogical University (in Russian).

Gorotsov, V. A. 1900. In Trutovsky, V. K. (ed.). *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* (Antiquities. Proceedings of Moscow Archaeological Society) XVII. Moscow: "Tipografiya G. Lissnera i A. Geshelia" Publ., 1–37 (in Russian).

Gorotsov, V. A. 1901. In countess Uvarova, Slutsky, S. S. (ed.). *Trudy XI arkheologicheskogo s"ezda v Kieve* (Proceedings of the 11th Archaeological Congress in Kiev) I. Moscow: "Tipografiya G. Lissnera i A. Gepelya" Publ., 567–672 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1910. *Bytovaia arkheologiya. Kurs lektzii, chitannykh v Moskovskom Arkheologicheskom Institute* (Household Archaeology. Course of Lectures Read at the Moscow Archaeological Institute). Moscow: A.I. Snegireva Publ. (in Russian).

Gorotsov, V. A. 1926. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* (Proceedings of the State Historical Museum) 1. Moscow: State Historical Museum, 105–124 (in Russian).

Gorotsov, V. A. 1928. In *Trudy seksii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia RANION* (Proceedings of the Department for Archaeology of the Archaeology Institute and Art Studies of the Russian Association of Institutes for Research in Social Sciences) vol. II. Moscow: Russian Association of Institutes for Research in Social Sciences, 5–11 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1929. In *Etnografiia* (Ethnography) (1), 54–77 (in Russian).

Kamenskiy, V. I., Spitsyn, A. A. 1903. In *Zapiski Otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* (Transactions of the Russian Archaeological Society of the Department of Russian and Slavic Archaeology) vol V, issue 1, 143–149 (in Russian).

Kastren, M. A. 1860. *Puteshestvie po Laplandii, Severnoi Rossii i Sibiri v 1838–1844, 1845–1849 gg.* (A journey through Lapland, Northern Russia and Siberia in 1838–1844, 1845–1849). Saint Petersburg: "Tipografiya Aleksandra Semena" Publ. (in Russian).

Kuz'minykh, S. V., Azarov, E. S. 2015. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia* (Great Russian Encyclopedia). Vol. 30. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 113–114 (in Russian).

Lopatina, O. A. 2014. In Kuz'minykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by* (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate). Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 67–76 (in Russian).

Lyavdanskii, A. N. 1926. In *Nauchnye izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* (Scientific proceedings of Smolensk State University) 3 (3), 179–296 (in Russian).

Napol'skikh, V. V. 2009. In Kliashtorny, S. G. (ed.). *Istoriia tatar* (History of the Tatars) 1. Kazan: "Rukh-iat" Publ., 195–203 (in Russian).

Patrushev, V. S. 1992. *Finno-ugry Rossii* (The Finno-Ugric Peoples of Russia). Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Patrushev, V. S. 2016. In *Povolzhskaya arheologiya* (The Volga River Region Archaeology) 17 (3), 194–224 (in Russian).

Patrushev, V. S., Lavento, M. 2015. In *Povolzhskaya arheologiya* (The Volga River Region Archaeology) 12 (2), 160–188 (in Russian).

Pokrovskiy, F. V. 1897. In Uvarova, P. S., Slutskiy, S. S. (eds.). *Trudy IX arkheologicheskogo s"ezda* (Proceedings of the Ninth Archaeological Congress). II. Moscow: "Tip. E. Lessnera i Yu. Romana" Publ., 138–196 (in Russian).

Semenov, S. A. 1955. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) LVII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 137–144 (in Russian).

Sizov, V. I. 1897. In Uvarova, P. S., Slutskiy, S. S. (eds.). *Trudy IX arkheologicheskogo s"ezda* (Proceedings of the Ninth Archaeological Congress). II. Moscow: "Tip. E. Lessnera i Yu. Romana" Publ., 256–267 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1903. In *Zapiski Otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* (Transactions of the Russian Archaeological Society of the Department of Russian and Slavic Archaeology) vol. V, issue 1, 111–142 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1905. In *Zapiski Otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* (Transactions of the Russian Archaeological Society of the Department of Russian and Slavic Archaeology) vol. VII, issue 1, 83–93 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1912. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii* (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission) 28, appendix, 1–7 (in Russian).

Trubnikova, N. V. 1952. In Udal'tsov, A. D. (ed.) *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) XLVII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 125–129 (in Russian).

Tret'yakov, V. P. 1975. In Kruglikova, I. T. (ed.) *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) 142. Moscow: "Nauka" Publ., 62–67 (in Russian).

Uspenskiy, P. S., Chaukin, S. N. 2016. In *Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii* (Brief communications of Institute of Archaeology) 242, 71–80 (in Russian).

Folomeev, B. A. 1975. In *Sovetskaya Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (1), 154–170 (in Russian).

Foss, M. E. 1947. In Udal'tsov, A. D. (ed.) *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) XVII. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 63–69 (in Russian).

Ailio, J. 1922. In *Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft* vol. XXIX: 1. Helsingfors.

Äyräpää, A. 1933. *Über die Streitaxtkulturen in Rußland. Studien über die Verbreitung neolithischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten*. Series: Eurasia Septentrionalis Antiqua VIII. Helsinki.

Kalevi, W. 2006. In *SKY Journal of Linguistics* (19), 97–108.

Koivulehto, J. 1994. In *Bopp-Symposium 1992 der Humboldt - Universität zu Berlin Akten der Konf. vom 24.3.- 26.3.1992 aus Anlaß von Franz Bopps zweihundertjährigem Geburtstag am 14. 9. 1991* / Hrsg. von Reinhard Sternemann. Heidelberg: Winter, IX, 313c.

Koivulehto J. 2003. In Bammesberger, A., Vennemann, T. (eds.), *Languages in Prehistoric Europe. Frühe Kontakte zwischen Uralisch und Indogermanisch im nordwestindogermanischen Raum*. Heidelberg: Winter, 279–316.

Pälsi, S. 1916. In *Suomen Museo*, 66–72.

Parpola, A. 2017. In *Journal de la Société Finno-Ougrienne* (96), 245–278.

About the Author:s

Kalashnikov Mark G., Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation.; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; marckalashnikov@yandex.ru

Vorobeva Elena E. Candidate of Historical Sciences. Docent. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Samarkand State University. University boulevard, 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; veer47@mail.ru

Статья поступила в журнал 15.10.2025 г.
Статья принята к публикации 03.02.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу